

Маленькие танцовщицы идут в огонь

Маленькая танцовщица все так же прямо держалась на одной ножке – ведь она тоже была стойкая!

Оловянный солдатик жил в коробке, а вырезанная из картона танцовщица – в прекрасном игрушечном замке. Она, наверное, знатного рода, размышлял солдатик, она живет в замке, а я в коробке; к тому же нас здесь двадцать пять штук. Нет, в коробке ей не место, но познакомиться с ней всё же не мешает!

Против солдатика начал строить злые козни черный тролль. Игрушечный воин пережил множество злоключений и, наконец, угодил в печку, в самый огонь. Чувствуя нестерпимый жар – то ли от огня, то ли от любви, – солдатик не сводил глаз с маленькой танцовщицы. Но вдруг порыв ветра подхватил её легкую фигурку, и она, как мотылек, впорхнула в печку. И вспыхнула ярким пламенем...

Эту сказку написал Ханс Кристиан Андерсен.

Но сказки иной раз оборачиваются былью.

Маленькие танцовщицы жили в прекрасном замке, который назывался Дворцом пионеров. Здесь они учились, танцевали и вовсе не думали о том, что могут когда-нибудь угодить в огненное пекло. Но это случилось с ними. Солдатики приняли на себя огонь. Маленькие танцовщицы прошли через него, но не сгорели. Потому что жизнь бывает ещё удивительнее, чем сказка.

Весной 1941 года студия художественного движения ленинградского Дворца пионеров – а в нее входило около трёхсот мальчиков и девочек – готовилась к участию в физкультурном параде в Москве.

Парад физкультурников был отменен 22 июня.

Ученики студии, наиболее одарённые дети, что вошли в пионерский ансамбль песни и пляски под руководством И.О. Дунаевского, аккуратно сдали свои синие плиссированные юбочки, белые крепдешиновые кофточки с нашитой на них эмблемой Дворца, рубашки мальчиков, особого покроя пионерские галстуки – и отправились на Московский вокзал помогать эвакуировать совсем маленьких ленинградцев. Вздвигая мешки на спину, потоком идёт народ.

Как щепочку уносит Валю в душном потоке. Идем, идем. Не остановиться, не оглянуться. Справа мешок, слева мешок; каменные, ударяют больно. Собственный рюкзак давит Вале на позвонки; гнёт шею. Идём, идём. Без конца идём, не видно куда. «Сейчас задохнусь», – думает Валя; но с готовностью идёт и без страха: так надо. Так в нашем путешествии полагается. Только крепче держаться за Люськину руку...» Этот эпизод из повести Веры Пановой «Валя» – сама жизнь.

Многие воспитанники и ученики студии тоже эвакуировались. Возле раскалённых, душных вагонов прощались с друзьями. Вспоминали о недавнем прошлом. Неужели это было с ними? Неужели всего месяц-два назад собирались они в своем дворце и увлечённо занимались танцами, тренажем, музыкой, музыкальной теорией, актёрским мастерством? Неужели ещё недавно у них не было других забот, как, слушая Чайковского, Шопена, Шумана, каждому по очереди придумывать собственные танцы, изображая знакомые детские игры?.. Заведующая студией, преподаватель группы девочек Р.А. Варшавская и руководитель танцевальной группы ансамбля Дунаевского, преподаватель мальчиков балетмейстер А.Е. Обрант, говорили с ними о

природе хореографического искусства, о том, что оно способно выразить самые прекрасные движения человеческой души. Неужели это было?

Теперь шла война. И надо было искать в ней своё место. Ведь не маленькие: даже младшим уже тринадцать! Наставники уходили на войну. Аркадий Ефимович Обрант вступил добровольцем в армию и служил где-то под Ленинградом, в селе Рыбацком. Что там происходит, в селе Рыбацком, мальчики и девочки не знали. Холодным мартовским днём сорок второго года старшего лейтенанта Обранта вызвали в политотдел 55-й армии. Обрант шёл по скрипучему снегу и мысленно перебирал возможные причины вызова. Восемь с лишним месяцев фронтовой жизни он командовал взводом, свыкся с обязанностями строевого командира и о других не помышлял.

Причина оказалась неожиданной. В политотделе ему приказали начать формирование агитвзвода из числа солдат и командиров 55-й армии.

Вскоре старший лейтенант приступил к репетициям. Сразу же нашлись неплохие голоса, да и в какой воинской части нет баяниста? Зато с танцами дело обстояло плохо. Командир агитвзвода, снова почувствовав себя балетмейстером, уделял танцорам особенно много времени. Но толку получалось мало.

Бойцы не владели основными навыками танцевального искусства. В политотделе удивлялись: вы же балетмейстер! Что же это получается – сапожник без сапог?.. И тогда старший лейтенант Обрант обратился к бригадному комиссару Кириллу Панкратьевичу Кулику с неожиданным предложением, которое могло в те дни удивить любого военного человека:

– В Ленинграде остались подростки, воспитанники Дворца пионеров, танцоры. Их можно было бы разыскать. Не все же эвакуировались! А если найти хоть несколько человек – агитвзвод получил бы хорошее пополнение!

Бригадный комиссар подумал и сказал:

– Поезжайте, привезите ребят!

Попутной машины в город не предвиделось. И Обрант отправился в Ленинград пешком. Лишь к ночи, измученный, добрался он до города. Долго шёл его пустынными улицами, которых не видел с начала войны. Смотрел на развалины домов, зиявшие пустотой выморочного жилья. Переступал через развороченные трамвайные рельсы.

В саду Дворца пионеров, смерзшиеся и припорошенные снегом, штабелем лежали трупы – у города не хватало сил всех хоронить. На лестницах, в коридорах, в прекрасных залах бывшего Аничкова дворца, где все четыре года предвоенной жизни дворца шумели юные поэты и астрономы, биологи и танцоры, теперь звучало только гулкое эхо шагов.

Варшавскую Обрант нашёл в подвале Дворца, приютившем пятерых женщин, преподавателей различных студий. Встреча получилась невеселой. Защемило сердце: на стене висели шёлковые блузки девочек, карнавальные костюмы, в углу стоял козёл для физкультурных занятий. Отыскался журнал с адресами воспитанников студии. И наутро оба преподавателя отправились в путешествие по городу, по улицам, по дворам, по тёмным, захламленным лестницам, по квартирам, где двери зачастую оказывались незапертыми, потому что некого и не от кого было здесь сберечь. Семейку Нелли Раудсепп Аркадий Ефимович застал за тщательным дележом небольшого куса хлеба. Одна часть хлеба откладывалась в сторону – в качестве платы за гроб для отца, который умер несколько дней назад и лежал в соседней

комнате; хоронить за деньги могильщики отказывались. Необычный гость объяснил матери девочки, что в армии, в агитвзводе, Нелли будет лучше, сытнее, теплее. И мать согласилась на отъезд дочери в армию.

Геннадий Кореневский оказался во дворе своего дома – мальчик пытался наколоть дров. Его движения напоминали замедленную кинопроекцию: Гена опускал колун без всякого усилия, и тот отскакивал от сырого полена, словно от железного. Валю Штейн (Лудинову) Обрант нашёл в госпитале – её поместили сюда в результате сильного истощения. Вера Мефодьева чувствовала себя ещё вполне прилично, даже работала на заводе токарем, но зато все её близкие уже не вставали с постели, и прежде, чем увезти Веру на фронт, следовало устроить её родных в госпиталь. Валя Клейман сам открыл своему учителю дверь. Неужели парень здоров? Но Валентин заговорил медленно, растягивая слова, а это было верным признаком дистрофии. 25 марта сорок второго года в подвале Дворца пионеров, где жили преподаватели, собрались три девочки и три мальчика. Валю Клеймана привезли на санках. Остальные передвигались кое-как сами. И именно этим мальчикам и девочкам предстояло через несколько дней порадовать бойцов и командиров 55-й армии огневыми танцами своего предвоенного репертуара.

Путь по Невскому, теперь в обратном направлении – от Дворца к Московскому вокзалу, был долог. Конец марта в том году не подарил исстрадавшимся, промёрзшим людям даже намёка на весну. Так же тускло поблёскивали снежные курганы троллейбусов, так же обжигал ветер туго натянутую кожу на лице. Обрант и его воспитанники брели по натопанной тропинке. Наконец показалось зеленоватое здание вокзала с часовой башней в центре над фасадом.

Часы на башне стояли. Московский вокзал не мог больше нести своей былой круглосуточной дорожной службы. Его многочисленные пути среди высоких платформ, дававшие когда-то разгон нарядным экспрессам, Красной и Голубой стреле, скорым поездам во все концы страны, теперь не вели никуда. Никто не счищал снежные сугробы с крыш вагонов и у примерзших к рельсам колёс. Только один паровоз деловито попыхивал густым на морозе паром. К паровозу был прицеплен один-единственный вагон. К нему и направил своих воспитанников Обрант. Тронулся самый короткий поезд в их жизни. И самый короткий предстоял им маршрут: вагон шёл до Товарной станции, которую прежде пассажиры и за станцию-то не считали, потому что ни один серьёзный поезд на ней не останавливался. Теперь здесь оказался конец пути. Дальше ехать нельзя. Надо вылезать на мороз и добираться пешком. В вагоне, стоя у затянутых морозным узором окон, мальчики и девочки смеялись – юность брала своё. Теперь, на фронтовой дороге, приумолкли. Шли весь день. Валю Клеймана тащили на большом листе фанеры, оторванном где-то у полуразрушенного дома. К вечеру дошли до места и ввалились в тёплую избу, где квартировала часть агитвзвода. Усталые, голодные – всю дорогу ничего не ели, – тут же повалились на койки и заснули.

Среди ночи кто-то ворвался в избу и крикнул: «Айда за пайком!» Две девочки вскочили, накинули пальто и вышли. Вскоре они вернулись с ведром. Из него валил душистый пар, распространявший аромат пшённного супа. Ребята с жадностью приналегли на ведро, уничтожив выданный на несколько дней вперед паёк Аркадия Ефимовича, и снова повалились на койки.

А утром пришёл Аркадий Ефимович и, к неописуемому удивлению ребят, пригласил их на зарядку. Они-то считали, что, пережив тяжкие испытания, заслужили

почётный отдых, а тут – обыкновенная прозаическая физзарядка, будто ничего особенного с ними не произошло! Но рассуждать уже не полагалось. Пришлось встать, пойти к берегу Невы, которая оказалась совсем близко, и проделать несколько простых упражнений, которые прогнали сонливость.

– Друзья мои, – сказал Обрант, – через несколько дней вам придётся выступить здесь с концертом. Знаю, что вы очень слабы, что танцевать вам сейчас трудно, почти невозможно. Но если хотим, чтобы возродился танцевальный ансамбль, придётся сделать невозможное. Это – единственный выход. Так что давайте потихоньку заниматься. Устанете – скажите. Можно будет немного отдохнуть. С чего же мы начнём?

Начали с восстановления крыжачка и гопака. Юные танцоры еле шевелили ногами, падали, садились отдыхать, отирая лоб и тяжело дыша. А Обрант говорил им, что восстановлением старых работ они не могут ограничиться, что придётся специально для предстоящего концерта поставить ещё и «Красноармейский перепляс». Пять дней подряд шли на берегу репетиции. Движение согревало танцоров. Бледные лица розовели на холодном мартовском ветру. И когда Валя Штейн получала на всех продукты – её товарищи кидались к ней с таким энтузиазмом, что становилось ясно: силы постепенно возвращаются. Все ждали встречи с бригадным комиссаром. Первого концерта. Решения своей судьбы.

Тогда же Гена Кореневский решил совершить важный шаг в своей жизни – нанести визит военному парикмахеру, чтобы сбрить подросший на щеках пух. В этот день мальчикам и девочкам подыскали гимнастёрки и шинели.

Кореневский шёл по дороге, погружившись в размышления и изящно перескакивая в своих танцевальных сапожках с камня на камень. На дороге стояла «эмка», а возле неё прохаживался высокий представительный военный. Геннадий не обратил на это внимания и проследовал дальше.

За его спиной начальственный голос крикнул:

– Товарищ боец!

Гена шёл своей дорогой. Начальственный голос настойчиво звал какого-то бойца, а тот почему-то не откликался на зов. Геннадий, наконец, заинтересовался: оглох парень, что ли?

Обернувшись, Гена обнаружил, что высокий военный звал именно его. Юноша вернулся и осведомился, чем может быть полезен.

– Почему не приветствуете? Почему стоите вразвалку? Ваша фамилия? Военный старался говорить как можно строже, но получалось это у него несколько искусственно.

– Я ведь не думал, что вы меня зовёте, простите, не знаю вашего имени-отчества, – отвечал Кореневский. – Вы меня хотели видеть?

В моторе «эмки» случилось, наверное, что-то очень серьёзное, потому что спина склонившегося над ним водителя тряслась.

– Да, соскучился очень, давно не встречались! – сказал высокий военный. – Не видеть вас я хотел, а любопытствовать, почему не приветствуете старшего по званию?

– Видите ли, этого я ещё не умею, я ведь из Ленинграда, недавно приехал с Аркадием Ефимовичем...

– Нечего сказать, боевое пополнение в нашем агитвзводе! Куда направляетесь?

– В парикмахерскую.

В глазах представительного военного сверкнули искорки и быстро погасли.

– Идите, – сказал он. – И передайте старшему лейтенанту Обранту, что бригадный комиссар велел научить вас для начала приветствовать старших и не носить шинель, как халат!

– Хорошо, товарищ бригадный комиссар, я скоро увижу Аркадия Ефимовича и передам обязательно, не беспокойтесь, – пообещал Гена и отправился дальше. Он не видел, как, глядя ему вслед, хохотали комиссар и его водитель.

Наступило 30 марта – день первого выступления юных танцоров перед военными зрителями. В Рыбацком как раз происходил слёт армейских врачей, сандружинниц и медсестёр – им и предназначался концерт.

Перед самым выходом Обрант с волнением посмотрел на своих питомцев. Их бледные, измождённые лица производили удручающее впечатление.

– Нет ли у кого-нибудь губной помады? – спросил балетмейстер.

Помада нашлась. И скоро ввалившиеся щёки девочек порозовели стойким румянцем.

Зазвучал гопак. На сцену переполненного зала местной школы выбежали Нелли Раудсепп, Валя Штейн, Геннадий Кореневский и Феликс Морель. Сидевший в первом ряду комиссар Кулик узнал Геннадия, вспомнил недавнюю встречу на дороге и, улыбаясь, наклонился к начальнику штаба, чтобы рассказать ему о забавном случае с мальчишкой, но замер на полуслове. Опустившись вприсядку, Геннадий не мог подняться на ноги. Он делал отчаянные усилия – и не мог!.. Нелли быстро подала ему руку и помогла встать. Танец продолжался. Но вот снова приблизилась опасная фигура, – и всё повторилось сначала: Геннадий не смог подняться. Партнёрша снова подала ему руку. Военный баянист побледнел. Он не знал, играть ли ему или прервать этот нестерпимый номер, а пальцы сами продолжали привычную работу...

Женщины, сидевшие в зале, не раз видели во фронтовых госпиталях кровь, раны, страдания бойцов. Но они ещё не видели детей осажденного Ленинграда. И женщины, сидевшие в школьном зале, плакали, пока звучал и кружился перед ними этот весёлый и трагический гопак, пока лихо катилось по сцене «Яблочко», подкрашенное губной помадой, пока из последних сил чеканил ритм «Красноармейский перепляс». Женщинам хотелось согреть этих детей, обласкать их. Они не знали для этого другого способа, как кричать «браво» и хлопать в ладоши, вызывая ребят на повторение. И они кричали «браво», утирая слёзы и улыбаясь.

Бригадный комиссар обернулся к залу и показал кулак. Но никто не понял этого жеста, и зал продолжал неистовствовать. Девочки и мальчики собрались было повторять номер – надо, значит, надо! – как вдруг комиссар поднялся во весь свой могучий рост и крикнул:

– Запрещаю повторять танец! Это блокадные дети, надо же понять!

Зал притих.

Концерт окончился.

– Вот это годится, это нам нужно, товарищ Обрант! – сказал бригадный комиссар, явно намекая на успех первоначальной танцевальной группы агитвзвода. – Молодцы ребята! Только, конечно, выглядят плохо. Я сейчас распоржусь, чтобы сразу же после концерта всех отправили в госпиталь. Надо их подлечить. Это будет им вроде дома отдыха.

Госпиталь № 2237. Мальчики и девочки, приняв горячую ванну, переоделись в белые пижамы. По утрам им приносили по кусочку шоколада, плотно кормили, заставляя

побольше отдыхать. За широкими окнами палаты уже висели мокрые сосульки, ярче светило солнце. Между воронок от бомб, у развороченных рельсов, возле разбитых теплушек упруго тянулась вверх молодая трава.

Поздно вечером, когда ребята уже спали, в госпиталь приезжал бригадный комиссар Кулик. Он обходил палаты, задумчиво глядел на спящих и уезжал, иногда так и не сказав ни слова.

Время от времени юным танцорам передавались посылки, которые приходили на фронт от многих советских людей, живших в тылу и работавших для победы. В одной из посылок девочки обнаружили письмо:

«Дорогой товарищ!

Посылаю Вам небольшую посылочку и желаю Вам больших успехов в борьбе с фашизмом. И желаю со скорой победой вернуться домой. Мы все, товарищи, находящиеся в тылу, всячески стараемся поддержать нашу любимую Красную Армию.

Напишите, дорогой товарищ, о своих подвигах.

С приветом к Вам из города В.-Тавды медработник фельдшер Ушакова Л.Г.»

Апрель пролетел незаметно. Подростки не выдержали и ещё в палате начали разучивать новые танцы и давать концерты для раненых бойцов и медицинского персонала. Не желая отрывать Аркадия Ефимовича от дел в агитвзводе, юные танцоры сами ставили себе танцы, фантазируя, критикуя друг друга. А вскоре, ещё до выписки из госпиталя, танцорам пришлось съездить для важного выступления в Ленинград. Концерт проходил в бывшем дворце Кшесинской. В зале сидели вооружённые бородатые мужчины в тулупах, в полушубках, валенках, перепоясанные ремнями, и с напряжённым вниманием смотрели на сцену. То были партизаны, доставившие в Ленинград первый в истории блокады обоз продуктов с Большой земли. После каждого номера они громко кричали «ура» и оглушающе хлопали могучими ладонями.

В конце апреля танцоров выписали из госпиталя поздоровевшими, окрепшими. В агитвзводе их встретили радостно. Жизнь стала интереснее, веселее.

И тогда шестеро юных ленинградцев решили завести свой журнал. Назвали его довольно пышно: «Страницы из истории «Рыбачат», том I». В этот журнал заносились события повседневной фронтовой жизни, собственные впечатления, письма к оставшимся в Ленинграде родным и учителям, высказывания о работе ансамбля. Строки из этого журнала – юношески наивны. Но в них поражает та высокая степень искренности и правдивости, какая возможна, когда человек размышляет о самом себе и не предназначает свои записи для постороннего глаза.

Вот одно из писем.

«27 апреля 1942 г.

Наконец настал день, когда мы можем сообщить Вам нашу радость. Сегодня – праздничный день: всю нашу шестёрку приняли в ряды ВЛКСМ. Мы горды! Но надо сказать, что в политике мы очень и очень отсталые. Здесь за нас возьмутся, дадут общественную работу, будут проводить с нами политбеседы. Вероятно, в чем мы не сомневаемся, через некоторое время из нас вырастут вполне политически грамотные люди.

Кроме основной работы и общественной нагрузки, мальчики будут изучать зенитное дело, девочки – медицинское, и ещё вводятся общеобразовательные науки».

Юному пополнению агитвзвода выдали новенькие комсомольские билеты. На каждом стояла печать: «Действителен без фотокарточки».

Вскоре начались занятия военным делом. Успехи оказались «налицо»: Валя Штейн, стреляя из пистолета, целилась так старательно, что отдача пришлась прямо в лицо. Нос посинел и распух.

Валя вообще отличалась необыкновенной старательностью и исполнительностью. Как дежурной по комнате ей просто цены не было. С вечера готовила она ведро воды. Вставала часа в четыре утра и, тихонько, как ей казалось, передвигая мебель, начинала мыть пол. Друзья просыпались, поминали Валины добродетели отнюдь не добрым словом, но она продолжала скрести пол, смиренно снося попреки. А потом, когда до подъёма и завтрака оставалась ещё уйма времени, садилась за стол и, шурша бумагами, скромно творила «Историю «Рыбачат», том I».

Жизнь входила в размеренные рамки. Когда дневальный будил ребят звуками бог весть откуда взявшейся детской игрушечной шарманки, мальчики и девочки бежали к Неве – «заряжаться» и купаться. Потом долго репетировали с Аркадием Ефимовичем новые номера. Репетировать приходилось на проезжей дороге – она была наиболее ровным местом. Танцы на шоссе то и дело прерывались пронесившимися мимо военными машинами и тут же возобновлялись снова. По вечерам приходили друзья – политработники, актёры, журналисты из местной армейской газеты: полковник Феодосий Васильевич Конанчук – начальник политотдела дивизии, Наум Фрейдович – конферансье и артист-кукловод агитвзвода, Веня Фомин – пианист и газетчик. Фомин подсаживался к роялю, играл Шопена или Скрябина. Аркадий Ефимович говорил: «Ну, попробуйте, пофантазируйте» – и сильфиды в толстых ватных штанах самозабвенно кружились по избе.

Обрантовцы занимались иногда и делами, от искусства весьма далёкими. Однажды они сложили в здании школы некое сооружение, которое одни принимали за плиту, другие – за саркофаг; третьи вообще отказывались подыскать подходящее название для возникшего в комнате страшноватого сооружения из кирпича и глины. Юные танцоры все делали с полной отдачей. Провозившись до вечера, они заложили свою странную конструкцию дровами и подожгли их. Вдоволь полюбовавшись на огонь, который горел как-то неуверенно и вяло и норовил вылезти наружу, они выскочили в коридор, чтобы найти Аркадия Ефимовича и показать ему дело рук своих. Обрант остолбенел. Перед ним стояли и счастливо улыбались существа с чёрными носами, лбами и подбородками. Но самое странное заключалось в том, что при каждом слове, при каждом вздохе изо рта и ноздрей этих чертенят валил дым... «Печку» пришлось срочно гасить и искать специалиста, который уберег бы фронтное село Рыбацкое от пожара.

В ту пору начались регулярные концертные выступления – в Рыбацком, Усть-Ижоре, Обухове, Колпине. Аккомпанировали танцорам пианист А. Розанов и баянист Г. Линкевич. Агитвзвод 55-й армии с каждым днем приобретал на фронте всё более широкую популярность.

Одна из юных танцовщиц Дворца пионеров – Валя Сулейкина – ничего не знала о судьбе своих товарищей.

С первых же дней войны, проводив на фронт брата, Валя решила пойти на завод «Вулкан», где он работал, и встать на его место. Завод выпускал военную продукцию. Валя работала в три смены, спала нередко тут же в цехе, на столе. В те дни она похоронила всех близких и осталась совсем одна. Когда в районе, где жила Валя,

объявили мобилизацию первой тысячи девушек в ряды Красной Армии, Валя Сулейкина оказалась в их числе. Она стала телефонисткой на КП артиллерийского полка.

Как-то после дежурства Валя вошла в избу, где жила с несколькими другими девушками-ленинградками, и включила приёмник. Диктор читал какой-то очерк. Валя не вслушивалась. Хотелось музыки. Но вдруг слова диктора заставили её насторожиться:

«...Старшему лейтенанту Обранту было поручено организовать коллектив танцоров при агитвзводе. Он ходил по квартирам и собирал юных артистов...»

Валя вздрогнула. Старший лейтенант Обрант? Так это же Аркадий Ефимович? Неужели?

«...Их было шестеро – три мальчика и три девочки. Они наперебой рассказывали о своём первом выступлении. Они ослабели, но хотели, очень хотели плясать...» Валя испугалась. Она отчаянно испугалась того, что передача может прерваться, приёмник испортится, и она не узнает о судьбе своих товарищей.

«...В частях они стали появляться окрепшие, жизнерадостные, с их приездом врывалось веселье. Усталые люди с передовой разминали плечи, выпрямлялись. Пляшут дети Ленинграда, пляшут! Нет, это было больше, чем концертное выступление. Молодость великого города, непреклонный дух города-воина увидели перед собой бойцы...»

На другой же день, получив разрешение командования, Валя отправилась в село Рыбацкое.

Девушке сказали, что танцевальная группа агитвзвода занимает комнату в кирпичном здании школы, расположенном на самом берегу Невы. Валя с замирающим сердцем поднялась по лестнице, вошла в большую комнату, перегороженную фанерой. Здесь никого не оказалось – был час обеда. Валя осмотрелась. Койки были застланы аккуратно, как положено. Все сверкало чистотой. На тумбочках в изголовьях коек лежали фотографии. Знакомые, родные лица глянули на Валу. Подойдя к окну, увидела на подоконнике детскую игрушечную шарманку. Девушка повернула ручку шарманки – раздалась простая наивная мелодия.

За дверью послышались шаги. И Валу окружили сияющие лица, протянутые руки. Обрант стоял в стороне и ждал, когда можно будет подойти и обнять Валу.

– Хочешь к нам? – сразу спросил он её.

Общее громовое «ура» раздалось в ответ.

Вскоре в группе танцоров появились ещё два человека – Мурик Аваков и Володя Иванов. Теперь их стало девять. И объединял их интересы и усилия замечательный педагог и балетмейстер Обрант. В дневнике «рыбачат» можно прочесть такие слова: «Аркадий Ефимович был для нас всем – и отцом, и воспитателем, и учителем, и нашим чудесным старшим другом. Он нас всех знал с семи-восьмилетнего возраста, знал душу каждого. Аркадий Ефимович делил с нами всё, и свой офицерский паёк в частности...»

У Аркадия Ефимовича, кроме всех его хороших человеческих качеств – большой выдержки, такта, отсутствия подхалимства перед начальством, особенно заметна любовь к коллективу и делу, которому он себя посвятил вместе с нами. Необходимо понять, что карьера в отрицательном смысле – путь неправильный. У других руководителей иногда встречается нахальное упорство в отношениях с начальством.

Аркадий Ефимович долгое время не разрешал объявлять своё имя постановщика, ибо ему важно было укрепить сначала нас, как коллектив...»

Вскоре танцевальная группа агитвзвода 55-й армии стала называться Танцевальным ансамблем под художественным руководством А.Е. Обранта.

Концертная деятельность ансамбля с каждым днём становилась всё активнее. С рюкзаками, набитыми костюмами и нехитрым реквизитом, маленький ансамбль исходил дороги и тропинки прифронтовой полосы. Не раз случалось, что здание, откуда они только что вышли, или изба, в которую направлялись, на их глазах взлетали в воздух от прямого попадания вражеского снаряда. Ребятам просто везло. Юным танцорам приходилось теперь выступать в такой обстановке, какая в прежнее время, до войны, не могла им даже присниться. Они появлялись в палатках медсанбата и танцевали, хотя танцевать здесь было, казалось бы, невозможно. И тут же помогали переносить и перевязывать раненых. Ночные концерты в тесных избушках, которые важно именовались клубами, происходили при свечах. От движения танцоров свечи нередко гасли. Тогда танцевали почти без света. Танцевали даже без музыки; так случалось на самых передовых участках фронта, где каждый звук с лёгкостью достигал вражеских укреплений. Тогда не играл аккордеонист Генрих Линкевич. Не аплодировали бойцы. Не слышно было даже стука каблуков – танцорам подкладывали под ноги сено. Но девочки и мальчики с рвением исполняли свои, пусть теперь «немые» танцы, чтобы люди, уходя в бой, думали о жизни.

Порой выступления ансамбля превращались в бесконечный, многочасовой концерт. Неподалеку от Колпино высилась обстрелянная с наружной стороны кирпичная стена. Под её укрытием отдыхали и курили, сменяясь ненадолго после боя, красноармейцы. Стена эта могла бы послужить военному художнику реальным символом неприступности Ленинграда: немцы никак не могли её разрушить. Вот за этой-то стеной, где земля взлетала на воздух чёрными фонтанами, где, пригибаясь в ходах сообщения, сходились солдаты, – здесь танцевали обрантовцы. Одни бойцы уходили в бой, другие возвращались из боя, и возвращались не все, а ребята танцевали без передышки: всё новые герои в копоти и дыме шли сюда, чтобы хоть мгновение посмотреть на них.

Танцевали и на платформе бронепоезда. Жерла орудий глядели мимо танцоров, куда-то вдаль. Прислуга бронепоезда тоже размещалась на платформе, сужая «сцену» до предела. Но ансамбль обрантовцев давно приравнял свою работу к сражению. ...Мы не знаем, что почувствовал оловянный солдатик Андерсена, когда к нему в огонь впорхнула бумажная танцовщица. Солдаты Ленинградского фронта, выходя из боя измученными, обессиленными, воспринимали концерты под огнём как чудо, как лучшее подтверждение всех прослушанных политбесед. Даже дети бесстрашно несут под огнём врага, под самым носом фашистов, свою службу! Как же яростно надо сражаться, защищая детей, каждому из них!.. Ненависть к врагу, ясно различимому в прорези прицела, и нежность к детям, которые пришли к ним, чтобы подбодрить, развеселить их, рождали в каждом солдате желание идти вперёд. И кто знает, сколько снарядов и пуль было послано с мыслью о детях, которые радостно танцуют на краю окопа!

Надо отдать должное артистам юного фронтового ансамбля: они не ограничивали свои планы количеством выступлений, не обольщались восторженными отзывами. У девятерых школьников не было и тени актерского самодовольства, какое всегда ведет к омертвлению искусства, к превращению его в штамп. Мальчики и девочки

стремились с помощью своего учителя осмыслить лежавшую перед ними дорогу в искусстве.

«Ансамбль может быть тогда, когда есть общее понимание единой цели, – писали юные танцоры. – Поэтому себялюбие, тщеславие, выпирание – чужды нам. Нам свойственны стойкость, настойчивость и борьба за свое существование. Наш репертуар – новинка...»

Репертуар ансамбля вызывал и восторженные отзывы, и горячие споры. А спорили главным образом об одном: выражают ли танцы обрантовцев правду жизни и в чём эта правда заключается – в раскрытии лирического мира человека или в отображении реальных событий времени? Выражают ли черты народной жизни такие репертуарные номера ансамбля, как «Цыганский танец», грузинские «Багдадури» и лезгинка, «Танец татарских мальчиков», «Казачья пляска», «Яблочко»?

«Мне приходилось учиться искусству танца у простых деревенских жителей: у цыган, у горцев Кавказа, у крымских татар, у русских мужиков и баб... В этих именно народных танцах есть то ритмическое богатство, та правда жеста, тот национальный характер, тот мудрый язык движений, который приходит от самой жизни... Народный танец является жизненным соком для танца театрального, концертного...» Эти слова принадлежат не Обранту. Эти строки опубликовал за десять лет до возникновения ансамбля юных танцоров замечательный русский балетмейстер Михаил Фокин в английском журнале «Тренд». Военный балетмейстер 55-й армии не знал о статье Фокина – она впервые появилась на русском языке ещё через двадцать лет, в 1962 году. Однако взгляды Обранта на искусство танца в известной степени развивали идеи Михаила Фокина. Воспитанникам Дворца пионеров явно повезло: они учились и работали под руководством художника, который стремился сочетать народную естественность танца с завершённостью и красотой концертной, театральной формы.

Есть в нашем искусстве образы, которые по силе художественного обобщения приближаются к своеобразным символам истории. Таков образ тачанки. Возникнув в кадрах кинофильма «Чапаев», она и сейчас гремит по дорогам Европы, Америки, Азии. Следом за нею пронеслась по тем же дорогам другая «Тачанка» – песня К. Листова и М. Рудермана, её пел хор Ансамбля песни и пляски Красной Армии. «Эх, тачанка-ростовчанка, наша гордость и краса, конармейская тачанка, все четыре колеса», – подпевали с французским, английским, чешским, польским акцентом слушатели в десятках концертных залов мира. И вот в сорок втором году возникла новая «Тачанка», ленинградская, блокадная, фронтовая. Она была по врагу огнём искусства – «Тачанка» ансамбля Обранта.

Она начиналась со стремительной «конной атаки». Девушки и юноши с саблями в руках, пригнувшись, вылетали на дощатые подмости фронтовой эстрады. Конная атака врзалась в самую гущу вражеских солдат и крушила их молниями сабельных ударов. Прорыв, разворот, и вот мчится тачанка: три девушки впереди, это лихая птица-тройка летит по степи, за ними – возница, сзади – пулеметный расчёт. Резкая остановка. Снова разворот. Жаркая пулемётная очередь. И опять тачанка мчится вперёд, заставляя зрителей всем своим существом, каждым нервом ощутить бешеный ритм танца, огненную атаку тачанки.

Танец этот достигал такой стремительности, что невозможно становилось разглядеть каждого из танцоров в отдельности. Перед зрителями возникала подлинная тачанка, летевшая в яростное наступление. Искусство убеждало: такое наступление

остановить

нельзя.

«Тачанка» стала одним из самых лучших и знаменитых номеров ансамбля. Балетмейстеру Обранту удалось «перевести» музыку в танцевальный рисунок, создав сюжетный танец, тематически неразрывно связанный с событиями дня.

Потом появилась «Варшавянка» – сложный танец, который языком хореографии рассказывал о доле народов под игом оккупантов. Звучали мелодии разных республик, грустные, напевные, задумчивые. Валя Сулейкина танцевала свой эпизод под мелодию белорусской песни «А у перепелочки ножка болит». В финале номера звучала «Варшавянка», и движения всех участников ансамбля, сплоченные, решительные, переводили на язык танца старую революционную песню: «Вихри враждебные веют над нами, тёмные силы нас злобно гнетут, в бой роковой мы вступили с врагами, нас еще судьбы неизвестные ждут... На бой кровавый, святой и правый, марш, марш вперед, рабочий народ!..» В этом номере постановщик сочетал танец, актёрскую игру и пантомиму.

Весной сорок третьего года ансамбль Обранта пригласили принять участие в общегородском концерте мастеров искусств, в Большом зале Филармонии. Когда-то, перед войной, воспитанники Дворца пионеров выступали в этом зале совсем ещё малышами. Теперь они выросли, возмужали и стали настоящим профессиональным коллективом. И всё-таки они волновались:

«На сцену Филармонии могли попадать только видные мастера... Наша задача трудная и ответственная. Мы – не Преображенская, которую все знают. А для нас этот концерт – большая проверка работы ансамбля...»

Посмотреть обрантовцев пришли ленинградские артисты, музыканты, писатели. Пришла и Преображенская. В Большом зале Филармонии состоялась одна из тех встреч разобщённых блокадой людей, которая сама по себе доставляла радость. В программе, посвящённой главным образом показу юношеского фронтового ансамбля, пели Н. Вельтер и Г. Скопа-Родионова, читали О. Казико и Д. Лузанов. Аккомпанировал танцорам их коллега по агитвзводу 55-й армии – джаз-оркестр, руководимый дирижёром и композитором А. Владимировым.

Там, на фронте, узкие дощатые подмости обычно качались и поскрипывали под ногами, сцена всегда оказывалась точно ограниченной стволами деревьев или бревенчатыми стенами избы. Теперь перед ними распахнулся непривычный сценический простор, и подростки немножко растерялись. Но уже через минуту понеслась по филармонической сцене огневая «Тачанка», дробно ударила азартная лезгинка, устремилась в атаку красноармейская пляска.

В зале горячо аплодировали. Иногда взгляды обращались на совершенно седого человека с молодым лицом, который скромно сидел в своей издавшей виды гимнастёрке и улыбался приветствовавшим его людям. Он не был доволен ребятами... Творческие мечты Обранта опережали успехи его воспитанников.

...И снова – Рыбацкое, Колпино, Усть-Ижора. Снова – фронтовые концерты, тёмные от порохового дыма взволнованные лица солдат, благодарные объятия, сердечные слова. Снова занятия военным делом, пешие переходы с тяжёлыми рюкзаками за спиной или бешеная ночная езда в кузове грузовика, когда над самой твоей головой в разных направлениях возникают красные пунктиры трассирующих пуль.

Старшие из мальчиков и девочек учились уже в десятом классе. По решению политотдела армии учителя приезжали к ним из Ленинграда сюда, в Рыбацкое.

Комиссар Кулик лично интересовался отметками. Отлынивать от учения не удавалось. Журнал фиксирует:

«Валя много лежит, много думает, но не занимается... (Какая досада, что трое из девяти «рыбачат» носят имя «Валя»! Мы так и не узнаем никогда, кто же из них так много думал! – Ю.А.).

Вера откладывает учение.

Нелли увлекается книгами, а не учебниками.

Феликс – нет запала.

Володя. Растерялся. Не знает, что учить.

У некоторых из нас – химерические мечтания...»

А Обрант неустанно напоминал питомцам, что учиться необходимо. Ребята решили подтянуться и даже перенесли утренний подъем на более раннее время. А в политотделе завели специальный журнал успеваемости танцоров. Приходилось меньше лежать, меньше думать и больше общаться с учебниками.

В начале лета сорок четвертого года ансамбль Обранта поехал в Москву, чтобы принять участие в Третьем антифашистском слёте молодёжи и выступить с концертом в Колонном зале Дома Союзов. Когда на сцену выбежали ленинградские юноши и девушки в военной форме, с новенькими медалями «За оборону Ленинграда», – зрители вскочили и обрушили на ребят шквал оваций. Москвичи впервые увидели подростков, которые наравне со взрослыми защищали свой город. Можно ли было остаться равнодушным? И когда раздались звуки матросского танца и горсточка юношей и девушек в матросских костюмах показала зрителям, что они – из Ленинграда, с Балтики, что они овеяны романтикой боев, что сам чёрт им не брат – снова разразилась овация.

В Москве обрантовцам пришлось выступить более чем в тридцати больших концертах на огромных эстрадах, вроде сцены Театра Красной Армии. Они стали героями военного московского театрального лета. А потом – снова концерт в Колонном зале, на этот раз – для школьников Москвы. «Страницы из истории» ансамбля

гласят:

«На этом слёте школьников нам подарили, как и всем пионерам, комплект книг, бумагу, карандаш со вставочкой, блокнот, брошюру с Первомайским приказом тов. Сталина, бутерброды с сыром и по бутылке лимонада.

...Концерт в Краснознаменном зале ЦДКА нам оплатят – по 30 руб. Решили эти деньги использовать на мороженое... Командование предлагает нам ехать с концертами по Черноморскому побережью, Крыму или Северному морскому пути. Желание громко вырвалось у всех, но... как руководители? Мы нужны Ленфронту. А поездка была бы полезной нам».

Поездка в Москву сразу же принесла ансамблю известность. 55-я армия Ленинградского фронта могла гордиться своим детищем.

А в конце сорок четвертого года состоялся общественный просмотр программы ансамбля в Ленинграде. В зале находились народные артисты, выдающиеся мастера драмы, балета. Ю. Юрьев, А. Брянцев, Н. Черкасов, О. Иордан, О. Евлахов восторженно говорили о виденных танцах. Решили просить соответствующие организации об отзыве танцоров из армии: война приближалась к своему завершающему этапу. Перед бывшими воспитанниками Дворца пионеров раскрывались новые горизонты творческой работы в строю гражданской армии искусств.

В День Победы обрантовцев видели на Дворцовой площади. Они танцевали посреди огромной толпы радостно возбужденных людей. Снова поскрипывали дощатые подмости под ногами, снова не было вокруг тишины, только вместо артобстрела гремел теперь праздничный салют. А вечером, собравшись вместе, они вспоминали военные дороги и – свой самый необычный концерт на войне.

Однажды, в сорок втором, в Колпино, в двух шагах от огненного рубежа, танцорам агитзвода предложили выступить перед солдатами в минуты короткой передышки. Бойцы и артисты укрылись от огня на территории полуразрушенного завода. Танцевать предстояло... на поду огромной печи!

И вот начался этот танец в самом чреве печи, когда приходилось наклонять голову, чтобы не удариться о нависший сзади низкий свод, когда надо было укорачивать шаг, чтобы не столкнуть партнера с маленькой чёрной площадки, изъеденной огнём. Бойцы, возбуждённые только что отгремевшим боем, растроганно смотрели на мальчиков, которые так рано узнали войну, на маленьких танцовщиц из прекрасного далекого дворца, шагнувших в самый огонь...

Помните сказку Андерсена?

И разве не правда, что сказки очень похожи на действительность?